

Когда Е Линьфэн снова пришёл в себя, ему показалось, будто он пробудился от бесконечного, тягучего сна. Голова после долгого беспометства была тяжёлой, а тело — ватным и онемевшим.

Разомкнув веки, он первым делом ощутил под собой мягкую, удобную постель, но стоило ему пошевелиться, как сердце пропустило удар: запястья и щиколотки были туго стянуты верёвками. Память услужливо подбросила события последних минут перед тем, как он провалился во тьму.

Тогда, сквозь пелену забытья, он вроде бы слышал голос Демонического почтенного семи отчаяний... Неужели этот безумец всё-таки его похитил?!

«Ну похитил и похитил, но вязать-то зачем?! — возмутился он про себя. — И ладно бы просто связал, но к кровати-то прикручивать к чему?! Это на что вообще намёк?!»

Чем больше Линьфэн раздумывал об этом, тем сильнее росло его беспокойство. Он принялся елозить по матрасу, извиваясь всем телом, пока окончательно не спихнул с себя одеяло, и, набрав в лёгкие побольше воздуха, заорал во всю глотку:

— Эй, есть кто?! Помогите! Демонический почтенный семи отчаяний! Цицзюэ! Я знаю, что ты здесь, не надейся отмолчаться! Если ты меня похитил ради чего-то — давай договоримся! Жизнь я тебе не отдам, а в остальном — по рукам! Ци... Цзюэ... Почтенный! А ну выходи! Давай сделку провернём, а-а-а-а!

Кричал он недолго. Вскоре на зов действительно явился живой человек, вот только это был вовсе не Демонический почтенный семи отчаяний.

Деревянная дверь со скрипом отворилась. В комнату плавной походкой вошёл мужчина в белоснежных одеждах. Миновав ряды тяжёлых занавесей, разделявших внешние покои и спальню, он приблизился, словно парящий небожитель, принеся с собой густой, горьковатый аромат лекарственных трав. Когда он подошёл совсем близко, он осторожно отодвинул последнюю преграду из тончайшего флёра.

Человек замер у изголовья кровати с веером в руках. Он выглядел благородно и учёно, а на губах играла мягкая, дружелюбная улыбка, полностью под стать его утончённому образу.

Многие носили веера. Юэ Чэньтань, к примеру, обмахивался ими или вешал на пояс как украшение. Но человек перед Линьфэном плавно раскрыл свой веер, обнажая вовсе не изящный рисунок, а ровный ряд серебряных игл.

Иглы для акупунктуры: большие и малые, длинные и совсем крохотные.

— Демонического почтенного семи отчаяний здесь нет. Что, так разочарован встречей со

мной? — с иронией в голосе спросил Мутянь-чжэньжэнь.

Он вёл себя так, словно держал в руках не опасный арсенал, а обычный веер с изображением бамбука и цветов, и будто перед ним не лежал беспомощно связанный пленник, а старый друг, с которым можно обмениваться любезностями.

Е Линьфэн невольно вздрогнул и поспешно замотал головой.

Разочарование... ну, в какой-то мере оно присутствовало. Цицзюэ хоть и был склонен к причудам, но в душе оставался простым как три копейки, да и самому Линьфэну кое-что было от него нужно, так что похищение демоном его бы не слишком напугало.

А вот очнуться связанным и увидеть над собой серебряные иглы — от такого любого бросит в холодный пот. Даже зная, что это часть лечения, Линьфэн не мог подавить инстинктивный страх.

Заметив его реакцию, Мутянь-чжэньжэнь понимающе улыбнулся. Он придвинул табурет к кровати и, присев рядом, примирительно произнёс:

— Не бойся. Твой разум был затуманен, ты находился под полным контролем Демонического почтенного семи отчаяний. Я боялся, что ты навредишь себе или попытаешься сбежать, потому и прибег к этой вынужденной мере. У меня и в мыслях не было лишать тебя свободы, молодой господин Линьфэн. Что же до этих игл — они нужны лишь для того, чтобы вывести яд и залечить твои раны.

— Всё в порядке, я верю вам, Мутянь-чжэньжэнь. То, что вы взялись за моё лечение — великая удача для меня, — Линьфэн изо всех сил старался выглядеть расслабленным. — Скажите... Могу ли я узнать... что именно я натворил, пока был под влиянием того демона?

— Можешь не волноваться, — Мутянь наклонился ближе. Солнечный свет из окна упал так, что его тень полностью накрыла Линьфэна. — Ты не совершил ничего предосудительного. Разве что порывался уйти вслед за Демоническим почтенным семи отчаяний и пытался сорвать маску с Бессмертного господина в демонической маске, но у тебя не вышло.

Е Линьфэн облегчённо выдохнул. Ситуация и впрямь была куда лучше, чем в прошлые разы. По крайней мере, он не щеголял в непотребном виде и не устроил грандиозного скандала. А уж попытка заглянуть под чужую маску — это было вполне в его духе, он и на трезвую голову частенько об этом подумывал.

Мутянь тем временем принялся возиться с узлами на его запястьях. Глядя на задумчивого юношу, он негромко спросил:

— Неужели ты совсем ничего не помнишь из того, что происходило?

— После каждого такого приступа в памяти остаются лишь обрывки ощущений, — ответил Линьфэн. Он думал, что лекарь собирается его развязать, и потому послушно замер, даже когда его руки завели высоко за голову. — Словно привиделся сон: сначала помнишь детали, а спустя мгновение всё расплывается, и не можешь восстановить ни крупинки.

— Если пожелаешь, я могу помочь тебе вспомнить. Но предупреждаю: процесс будет весьма... неприятным.

Линьфэн судорожно сглотнул. Он попытался пошевелить руками и обнаружил, что путы вовсе не сняты. Напротив: если раньше верёвки позволяли ему хоть немного двигаться по кровати, то теперь лекарь намертво зафиксировал его запястья у самого изголовья.

Чтобы затянуть узлы, Мутянь-чжэньжэнь навис прямо над ним, сократив дистанцию до минимума. Поза стала двусмысленной до крайности.

— Мутянь-чжэньжэнь... Что это значит?

— Тише, не бойся, — лекарь, не меняя положения, ласково коснулся его волос. — Чем дольше яд остаётся в твоём теле, тем труднее его будет изгнать. Сейчас я попробую вытеснить его с помощью игл. Если не поможет, прибегнем к другим методам.

Линьфэн хотел было возразить, что яд Цицзюэ — штука уникальная, и простому смертному... да и вообще никому не под силу вывести его без остатка. Хотел спросить, зачем для иглоукалывания обязательно нужно его связывать, ведь такая подготовка наводила на самые жуткие мысли.

Но он промолчал. Лишь постарался максимально расслабиться, всем своим видом демонстрируя безграничное доверие. Выбора не было: если он хотел подобраться к Мутянь-чжэньжэню поближе, придётся испить эту чашу до дна. Горькое лекарство, боль и муки — таков уж его путь.

Тем временем Мутянь, убедившись, что путы держат крепко, принялся расстёгивать его одежду.

Почуввав холодок на коже груди, Линьфэн снова ощутил, как по затылку пробежали мурашки. Он понимал, что для иглоукалывания нужно обнажить тело, но вся эта сцена пробуждала в нём самые мрачные ассоциации.

Видимо, яд Божественной книги въелся в него слишком глубоко. Обычный человек в такой ситуации подумал бы о чём-то романтическом или двусмысленном, но в воображении Линьфэна то и дело всплывали картины вспоротых животов и прочих кровавых ужасов. После прочтения той книги игнорировать детали стало невозможно.

Например, то, с какой пугающей ритуальностью Мутянь-чжэньжэнь готовился к процедуре. На столе стояла чаша с тёплой водой, в которой плавали ароматные листья — ими лекарь омывал руки и обтирал тело пациента. Мутянь вымыл кисти с маниакальной тщательностью, а затем зажёл благовония. Вскоре вся комната наполнилась чистым, пронзительным ароматом, который напрочь лишал сна и прояснял сознание.

Верёвки, которыми его связали, были сделаны из воловьих жил — прочные, эластичные, они не резали кожу, но неизбежно оставляли глубокие красные следы.

Или то, что Мутянь был во всём белом, и постель была ослепительно белой — простыни, подушки, полотенца... Слово всё это было призвано подчеркнуть яркость любого другого цвета, который мог здесь появиться.

Ещё одна деталь: лекарь запер дверь на засов, хотя находился в собственной резиденции. Он будто панически боялся, что им помешают. Окна тоже были плотно закрыты, не пропуская ни единого звука снаружи.

И самое странное: с самого начала приготовлений Мутяня явно мучила жажда. Он выпил несколько чашек чая, одну за другой, и выглядело это не как волнение, а как лихорадочное предвкушение.

Когда же дело дошло до дела, Мутянь-чжэньжэнь смотрел вовсе не на те точки, куда вводил иглы. Он смотрел на лицо Линьфэна — в его взгляде нежность мешалась с пугающей сосредоточенностью.

— Прежде чем взяться за яд, я должен вывести из твоего тела излишки демонической энергии. Они слишком долго застаивались в тебе, что вредит твоему самосовершенствованию и мешает циркуляции духовных сил в меридианах, — объяснял Мутянь, вводя одну иглу за другой. — Будет больно, это нормально. Не сдерживайся, если захочется закричать.

Линьфэн стиснул зубы. Взгляд его блуждал по комнате, то и дело натываясь на расставленные по полкам склянки и горшочки.

Мучительное «лечение» только началось, а он уже чувствовал, что его терпение на исходе. Каждая игла била не по плоти, а по самим нервам и меридианам. Казалось, это не тонкое остриё входит в кожу, а тысячи раскалённых спиц вонзаются прямо в кости. По лбу градом покатился холодный пот.

Все эти дни Линьфэн старался не замечать того пагубного влияния, которое оказывала на него демоническая энергия. Он знал, что пути бессмертных и демонов не пересекаются, и понимал, что за присутствие тёмных сил в теле рано или поздно придётся заплатить. Но он и представить не мог, насколько высокой окажется цена.

Тёмная энергия, влитая в него Почтенным Янькуном и Демоническим почтенным семи

отчаяний, теперь вырывалась наружу по капле, но она успела пустить корни. Казалось, лекарь вытягивает не абстрактную силу, а кусок за куском выдирает его мышцы, жилы и кости.

Поскольку эта энергия попала в организм вместе с лекарствами, а не просто была вбита ударом, она буквально срослась с его естеством. И чем глубже она сидела, тем невыносимее была боль от её извлечения.

Только сейчас он по-настоящему осознал, что верёвки были актом милосердия. Без них он бы уже метался в конвульсиях.

Мутянь-чжэньжэнь не сводил с него глаз. Он следил за каждым мимолётным движением бровей юноши, за каждым судорожным вздохом, видел, как тот медленно бледнеет, а его зрачки расширяются от нестерпимого страдания.

В какой-то момент, когда тело Линьфэна уже было утыкано десятком игл, а несколько вошли даже в точки на голове, он услышал над самым ухом тихий шёпот. В голосе лекаря слышалась почти любовная истома:

— Если Почтенный Янькун узнает об этом... он будет в ярости, не так ли?

Боль часто лишает людей способности соображать, ввергая в пучину безумия. Большинство в такой момент не видят и не слышат ничего вокруг. И даже те немногие, кто сохраняет остатки сознания, редко способны заметить странности в поведении окружающих. Они видят в лекаре лишь спасителя, который самоотверженно борется за их жизнь.

Но Линьфэн, преодолевая муку, заставил себя открыть глаза. Сквозь чёрную дымку, которая тонкими струйками поднималась от серебряных игл, он посмотрел на Мутянь-чжэньжэня. И встретился с его взглядом — куда более глубоким и пугающим, чем обычно.

Как и было предсказано в Божественной книге, в этих глазах читалась одержимость, безумие и болезненная зависть. В глубине этих тёмных зрачков бушевал настоящий шторм.

Сам неспособный чувствовать боль, этот человек превратил её в предмет своего культа. Для него страдание другого было высшим проявлением жизни, прекрасным зрелищем, от которого он не мог оторваться. Он жаждал этой боли, вожделел её, но не смел признаться в этом ни единой живой душе.

Исцеляя Линьфэна, Мутянь одновременно утолял свой собственный чудовищный голод.

Юноша хотел схватить его за руку, хотел умолять замедлить темп, сказать, что невозможно изгнать всё разом... Но стоило ему разомкнуть губы, как вместо слов из горла вырвался... крик.

Это был истошный, надрывный вопль, от которого в ушах закладывало.

Всё, он больше не мог. Сил терпеть не осталось! Проклятье, как же больно!

Линьфэн честно пытался казаться хрупким и милым, старался ограничиваться лишь стонами и тяжёлым дыханием, стараясь потрафить тайному пороку Мутяня, но природа взяла своё. Когда из тебя живьём вытягивают душу — тут уж не до эстетики!

Он не просто кричал — он рыдал в три ручья, заходясь в истерическом плаче, словно на похоронах. Ему хотелось биться на этой кровати, орать, что он больше не хочет никакого лечения, лишь бы это прекратилось!

А потом дыхание начало подводить.

Е Линьфэн жалобно посмотрел на Мутяня. Иглы были везде: в груди, в шее... Он уже не понимал, какие из них лечат, а какие служат иным целям. Воздуха катастрофически не хватало — кричать он ещё мог, но уже не так громко и долго, как вначале.

Лекарь ласково коснулся его щеки, поглаживая её, как у нашкодившего ребёнка.

— Молодой господин Линьфэн, боль — это неизбежный путь к исцелению. Лучше один раз перетерпеть, чем мучиться всю жизнь... Я не причиню тебе вреда. Будь умницей.

«У-у-у...»

Линьфэн про себя простонал: «Да знаю я, что ты не собираешься меня убивать! Иначе как бы ты стал великим лекарем, которого все боготворят? Но то, что ты не злодей — правда, и то, что чем мне больнее, тем тебе слаще — тоже чистая правда! И чем больше ты строишь из себя святошу, тем мне страшнее! Ничего не могу с собой поделать!»

Сколько длилась эта пытка, он не знал. В полузабытьи, вдыхая дурманящий аромат благовоний, он балансировал на грани обморока, но так и не смог окончательно провалиться в небытие. Наконец, когда последняя игла была извлечена, он услышал вердикт Мутяня:

— Похоже, силы двух Почтенных слишком велики. Изгнать весь яд и энергию из твоего тела за один раз не получится.

Е Линьфэн неистово закивал, а по его лицу катились слёзы облегчения.

Мутянь смотрел на него, и его собственное дыхание было сбивчивым и тяжёлым.